

является наличие у нее комплекса неотъемлемых прав, которые по самой своей природе не предоставляются волей общества или государства, а сами служат той почвой и основой, на которой строится как общество, так и государство. Комплекс неотъемлемых прав личности сохраняет свою регламентирующую роль и для современного гражданского общества. Для этого достаточно, чтобы неотъемлемые права личности были признаны обществом и властью в качестве исходных принципов всех общественных отношений. О том, что такое признание стало на сегодня нормой существования мирового сообщества и признаком принадлежности к цивилизованному миру, свидетельствует принятие Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. «Всеобщей декларации прав человека» и других международных конвенций в этой сфере.

Смыслом государства в рамках идеи гражданского общества становится гарантия неприкосновенности и осуществление неотъемлемых прав личности, в тех пределах, в каких вообще имеет право действовать власть. Тем самым государство подчиняется праву, а общество получает преимущество и приоритет над государством. Примат общества над государством означает, что человек предоставлен себе и собственной воле, которую может свободно осуществлять в пределах общих формальных соглашений, воплощением чего является законодательство.

Суверенность личности играет решающую роль в системе гражданского общества, являясь основой этого общественного строя. Обращение к человеку при анализе гражданского общества или процессов его становления имеет важнейшее значение, так как представляет собой ключевой фактор его существования и развития.

Источники и литература:

1. Гражданское общество : истоки и современность : коллективная монография / науч. ред.: И. И. Кальной, И. Н. Лопушанский. – СПб. : Юридический центр ПРЕСС, 2006. – 492 с.
2. Швецова А. В. Суверенность личности как базовое основание гражданского общества / А. В. Швецова, В. В. Шамрай // Гражданское общество в условиях глобализации XXI века : коллективная монография / науч. ред.: проф. И. И. Кальной, доц. А. В. Горбань. – Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2011. – С. 218-260.
3. Платон. Государство / Платон // Сочинения : в 4-х т. / Платон. – М. : Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 79-420.
4. Берлин И. Чотири есе про свободу / І. Берлін. – К. : Основи, 1994. – 272 с.
5. Пико делла Мирандола. Речь о достоинстве человека / Пико делла Мирандола // История эстетики. Памятники эстетической мысли : т. 1. – М., 1962. – С. 506-513.
6. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс // Сочинения : в 2-х т. / Т. Гоббс. – М., 1991. – Т. 2. – С. 3-546.
7. Локк Д. Два трактата о правлении / Д. Локк // Сочинения : в 3-х т. / Д. Локк. – Т. 3. – С. 135-406.
8. Монтескье Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М., 1955. – С. 159-734.
9. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо // Избранные произведения / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Наука, 1969. – С. 151-256.
10. Права человека : сб. междунар. документов. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 205 с.

Бешта И.А.

УДК 101:572.028

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ СОЦИАЛЬНАЯ И ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Современный мир отличается стремлением людей к интеграции, осознанию целостности мира, его хрупкости и непредсказуемости воздействия природы на человечество в целом, и этому свидетельство – природные катаклизмы, вооруженные конфликты и экономические кризисы, ведущие человечество к самоуничтожению.

Мы все больше говорим о глобализации, создании единого экономического пространства, забывая о том, что для человечества, как и для отдельного индивида, тема идентичности остается чисто субъективным понятием. Отсюда, стремление к единству парадоксально не уживается со стремлением к самоопределению, автономии и уникальности, как отдельной личности, так и отдельных наций, этносов и государств.

Государства, строящие отношения с другими субъектами политики на принципах национальной идеи и уникальности своей нации, обречены к самоуничтожению, и история знает немало таких примеров.

Похожая ситуация сложилась в различных регионах Украины, претендующих на национальную преемственность и не признающих другие регионы. В автономной республике Крым ситуация с идентичностью еще более сложная, что обусловлено политичностью региона, с одной стороны и претензией крымских татар на создание татарской автономии, с другой.

Таким образом, можно сказать, что идентичность, как осознание индивидом своей принадлежности к чему-либо или кому-либо, порождает кризисную ситуацию развития и взаимодействия мирового сообщества, основанную на идее глобализации и интеграции.

Актуальность темы идентичности и выявление условий ее формирования, обусловлена тем, что для Украины, с ее уникальными культурно-историческими территориальными составляющими (запад, восток и юг государства), настоящая тема является недостаточно разработанной, поскольку именно различия в

идентичности народов отдельных регионов Украины не дают возможности консолидироваться украинскому народу и прийти к реальной, а не формальной унитарности.

Крым в данном контексте является своеобразным регионом, объединяющим на своей территории представителей различных идентичностей. Насколько безболезненно проходит становление и сосуществование этих идентичностей? Можно ли найти практические методы и приемы формирования общей идентичности личности на основе толерантности? Поможет ли это в дальнейшем обеспечить реальную интеграцию различных народов на примере Крыма для всего мирового сообщества?

Эта проблема обусловила выбор, казалось бы, совершенно проработанной в научных кругах темы, но наша задача заключается в том, чтобы проанализировать различные подходы к понятию «социальная» идентичность, с целью выявления практических механизмов ее формирования и становления.

Идентичность имеет как личностные (субъективные), так и социальные (объективные) аспекты, которые тесно взаимосвязаны между собой. Отсюда можно сделать вывод о том, что идентичность является не только внутренним, субъективно формируемым качеством личности, но и поддается внешней коррекции и формированию.

Наш интерес к данной теме обусловлен, прежде всего, значимостью понятия социальной идентичности для теоретического анализа внутригруппового и межгруппового взаимодействия, а также для решения практических задач, ориентированных на профилактику социальной дезадаптации, формирование социального поведения человека направленного на интеграцию и толерантность, что является актуальным для современной Украины.

Целью данного исследования является установление соотношения понятий «социальная» и «личностная» идентичность, их иерархическая структура. Цель исследования определяет следующие задачи:

- 1) проанализировать междисциплинарные точки зрения и концептуальные подходы к определению понятий «личностная» и «социальная» идентичность;
- 2) выявить сущность и формы проявления социальной идентичности;
- 3) определить место и значение личностной и социальной идентичности в структуре идентичностей.

Идентичность – это сложная динамическая структура, которая формируется, развивается и трансформируется в зависимости от окружающей среды на протяжении всей жизни человека.

В последнее время тема идентичности все чаще и чаще звучит не только из уст профессионалов, политиков, но и простых обывателей. Наверное, потому, что понятие «идентичность» означает сопричастность отдельного человека к группе людей, из которых и строятся идеи объединения и интеграции всего мирового сообщества. Но возможно ли построить единство на различиях и возможно ли сформировать идентичность, общую для определенной территории и в целом, для всех жителей планеты Земля?

Глобальные социальные и политические изменения, затронувшие все постсоветское пространство, привели к трансформации идентичности всех народов, составлявших ранее Советский Союз, а ныне суверенные и независимые государства. Вполне очевидным становится то, что нарушение процессов социальной идентичности, приводит к снижению адаптационного потенциала людей, а отсюда и невозможность их полной самореализации.

Прошло 20 лет со дня образования независимого Украинского государства, однако проблемы адаптации, и особенно интеграции русскоязычного, а в Крыму и крымско-татарского населения в Украине, в социально-психологической, а тем более в философской литературе остаются мало исследованными, что и побудило наш интерес к данной теме.

Мы полагаем, что это напрямую связано с формированием идентичности личности.

Приступая к исследованию настоящей темы, мы понимаем, что оно невозможно без анализа научной литературы наших предшественников и современников, которые достаточно разрознены из-за междисциплинарных подходов к предмету исследования, однако, в целом, позволяют создать более-менее целостное представление об идентичности.

Современные авторы, исследующие феномен идентичности разделяют понятия идентичность и идентификация. Говоря об «идентичности», подразумевается некоторая данность, относительно конечный результат самоощущенности личности. Идентификация рассматривается как некий процесс, ведущий к самоощущенности. (Мы рассмотрели термины по аналогии с понятиями «знание» и «познание»).

Этимология термина «идентичность» имеет латинские корни и носит в себе противоречие, на которое указывал Э.Эриксон и многие другие исследователи. С одной стороны, мы говорим о *identifico* («отождествляю»), *identicus* («тождественный», «одинаковый», «совпадение двух предметов или понятий»), с другой стороны, он складывается из двух латинских корней: "*item*" («в высшей степени сходный», «тот же самый», «аналогичный») и "*ipse*" («самость»). Таким образом, можно определить идентичность как изменчивое постоянство (Рикер П., 2000).

Малахов В.С., например, считает, что эвристический ресурс термина «идентичность» гораздо шире, чем «самосознание», поскольку включает в себя нерелективные, неподконтрольные самосознанию явления. И нам это кажется вполне очевидным [3,45].

Появление термина "идентичность" приписывают Эрику Эриксону, хотя сам он ссылается на своих предшественников - Зигмунда Фрейда, Карла Юнга и Чарльза Дарвина.

Однако термин "идентичность" стал широко использоваться в философских, культурологических, социологических и психологических учениях именно после выхода в свет основных трудов Э. Эриксона.

Таким образом, он обозначил проблему, разработкой которой занимались мыслители, начиная с античности и до появления термина «идентичность».

Анализируя литературу по данной теме, можно прийти к выводу о том, что идентичность рассматривалась, в основном, такими научными дисциплинами как: философская антропология, психология, культурология и социология. Сегодня к этому списку можно добавить политологию, которая в силу развития глобальных и локальных политических процессов вплотную занялась проблемой идентичности личности.

Проблема идентичности издавна разрабатывалась в контексте философского знания, начиная с его истоков. Проблема личности являлась ключевой темой для всех философских школ и направлений, которые по-своему рассматривали ее.

Так, с точки зрения онтологии, феномен идентичности как тождество всего сущего получил осмысление уже в рамках античной философии (элеаты, Анаксагор, Платон, Аристотель). В средневековой философии и мистицизме - И.С. Эриугена, М. Экхарт, суфисты. Несколько позже этой проблемой, но уже с точки зрения пантеизма, занимались Н. Кузанский и Б. Спиноза, натурфилософы Дж. Бруно и Б. Телезио. Неявный феномен идентичности можно выявить у Ф.-В. Шеллинга в «философии тождества», у Вл. Соловьева в «философии всеединства», у М. Хайдеггера и других философов.

Устойчивый интерес к проблемам человеческой индивидуальности прослеживается в философских рассуждениях мыслителей эпохи Возрождения – Ф. Петрарки, Дж. Манетти, Дж. Пико дела Мирандолы и других. Это постепенно привело философию к проблеме самопознания личности, которая решалась в двух основных аспектах - рефлексивном и социально-коммуникативном.

Что касается гносеологии, феноменологии и аксиологии, то проблема индивидуальности получила разработку в трудах Г.В.Ф. Гегеля, Э. Гуссерля, Р. Декарта, И. Канта, Дж. Локка, К. Маркса, Л. Фейербаха, Ф. Энгельса и Д. Юма.

Именно И. Кант впервые сформулировал мысль о том, что человеческое достоинство невозможно без постижения собственного разума.

XX век сместил акцент на проблему индивидуализации личности, что наглядно обозначил экзистенциализм и его наиболее яркие представители - А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и К. Ясперс.

В работах Т.-В. Адорно, Ж. Делёза, Ж. Дерриды, П. Рикера, М. Хоркхаймера, продолжается изучение темы индивидуализации личности, но уже с точки зрения понятия «различие».

Современные философские теоретические и эмпирические исследования продолжили разработку феномена идентичности. Это прослеживается в трудах М.М. Бахтина, Л.П. Буевой, Л.С. Выготского, Э. Гидденса, М.В. Заковоротной, И.С. Кона, А.Н. Леонтьева, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили, В.А. Ремизова, Ю. Хабермаса, В. Хесле, В.А. Ядова и других.

Исследователи идентичности в философии выделяют три основных подхода к определению ее сущности: коммуникативный (Ю. Хабермас), где главным условием формирования идентичности выступает коммуникация, т.е. взаимодействие; нарративный (П. Рикер) – как разнообразие субъективных, изменяющихся повествований самотождественности личности; прагматичный (Б. Вальденфельс, М. Мерло-Понти) – как практическая констатация идентичности по внешнему облику человека.

Изучение проблемы идентичности за пределами философского знания стало возможным благодаря развитию психоаналитических и социологических исследований. Работы таких социологов, как А. Дж. Видич, Д. Меннинг, М.Р. Стейн, сделали понятие идентичность довольно популярным, но слишком социологизированным.

Социальная природа человека разрабатывалась преимущественно американскими и западноевропейскими социологами и социальными психологами, такими как П. Бергер, И. Гофман, Ч. Кули, Т. Лукман, Дж. Г. Мид, Р. Тернер, Т. Шибутани и другими.

Основными концептуальными подходами являются: «школа социальных представлений» (С. Московичи, С. Скрибнер и др.), «теория социальной идентичности» (Г. Тэджфел, С. Рейчер), «теория символического интеракционизма» (Дж. Мид, Ш. Стрикер, Дж. Шрогер), «теория самокатегоризации» (Дж. Тернер, Дж. Хог), а также процессуально-социологический подход Н. Элиаса.

Вышеперечисленные авторы обозначили проблемы соотношения индивидуальной и коллективной форм социальной идентичности. Однако самые массовые исследования идентичности личности и ее различных аспектов принадлежат все же психологическим учениям, которые начались в 60-е годы XX столетия.

Психологию личности и социальную психологию идентичность интересует, прежде всего, как фактор, опосредующий социальное поведение личности с точки зрения ее адаптивности к окружающей среде и ее включенности в межгрупповое взаимодействие.

В это время понятие идентичности широко использовали различные ролевые теории личности.

Социальная идентичность изучается различными направлениями психологической науки: психоанализом (З. Фрейд, Т. Адорно, Э. Фромм, Э. Эриксон), необихевиоризмом (М. Шериф, Д. Кэмпбелл), когнитивной психологией (Х. Тэджфел, Дж. Тернер), французской школой социальной психологии (С. Московичи), а также отечественной социальной психологией (В.С. Агеев, Альбуханова-Славская К. А., Бахтин М. М., Выготский Л. С., Гусейнов А. А., Дробницкий О. Г., Ильенков Э. В., Кон И. С., Леонтьев А. Н., Лотман Ю. М., Мерлин В. С., Поршнев Б. Ф., Рубинштейн С. Л., Эльконин Д. Б., Ядов В. и другие).

Идентичность как механизм психологической адаптации личности и роль бессознательного в процессах идентификации всесторонне исследовались представителями классического психоанализа: З. Фрейдом, с

именем которого связано первое употребление термина «идентичность», А.Адлером, Дж.Боулби, М.Клейном, М.Малером, У.Мейсснером, Ж.Пиаже, Г.Салливаном, А.Фрейд, К.Хорни, Р.Шафером, М.Эйнсвортом, К.-Г.Юнгом и другими.

Согласно Фрейду, идентичность - это индивидуальный внутренний мир человека. В ее развитии он выделял два процесса: биологический и социальный. Феномен идентификации Фрейд описал как бессознательное отождествление субъекта с объектом, где главной целью выступает биологическая адаптация.

К.Юнг и А.Адлер делали акцент на необходимости исследования социального окружения человека как основополагающего источника становления в нем человеческого. Они выделяли субъективный индивидуальный опыт как единственно достоверный и полагали, что человек адаптируется к настоящему, не учитывая прошлое и будущее.

Э.Эриксону мы обязаны введением понятия «идентичность», не только в научный, но и повседневный оборот. Сегодня трудно найти человека, который не употреблял бы этот термин в различных жизненных ситуациях.

Э.Эриксон говорил об идентичности как о процессе организации жизненного опыта человека в индивидуальное "Я". Это самоидентичность, находящаяся в постоянном развитии и совершенствовании, то есть в динамике. Идентичность, по мнению Эриксона, непосредственно связана с тремя уровнями человеческого бытия - индивидуальным, личностным и социальным.

Индивидуальный уровень определяется им как представление человека о себе, своем физическом облике, темпераменте, задатках, своем прошлом и будущем.

Личностный уровень - это ощущение человеком неповторимости, уникальности своего жизненного опыта, который создает некоторую тождественность самому себе.

Социальный уровень - это внутренняя солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами [10,31].

В формировании идентичности Эриксон выделяет два основных свойства - изменчивость и длительность, которые обуславливают создание человеком определенной модели поведения. В ее становлении автор выделяет три формы: интроекцию как примитивное вживание в образ; идентификацию – как интеракцию со значимыми представителями общества; и, наконец, формирование идентичности - как соединение идентификаций в единое целое.

Таким образом, Фрейд определял идентичность как индивидуальный внутренний мир с биологическим и социальным составляющими. Эриксон видел в идентичности организацию жизненного опыта, основными свойствами которого являются изменчивость и длительность.

У.Джемс считал, что социальная идентичность помогает человеку сохранить самоуважение и целостность его Я, так как является одним из компонентов структуры личности.

Гуманистическая психология (А.Маслоу) и гуманистический психоанализ (Э.Фромм) рассматривали идентичность как психологическую потребность личности, и мы с этим абсолютно согласны.

В работе «Бегство от свободы» Фромм обращается к проблеме идентичности, описывая мотивы ее возникновения. Он полагал, что идентичность определяет принадлежность человека к какой-то целостной структуре, осознание им своей сопричастности и определенного положения в ней. Идентичность помогает человеку найти свою социальную нишу и избежать одиночества.

Современные исследователи Т.М. Буюкас, А.М. Васильченко, Е.В. Винославская, П.И. Гнатенко, О.А. Донченко, Е.М. Ичанская, С.Д. Максименко, В.В. Москаленко, Л.Е. Орбан-Лембрик, В.Г. Романова, Т.М. Титаренко рассматривают идентичность как один из компонентов самосознания личности. Павленко В.Н. и Солдатов Г.В. изучали социальную идентичность с точки зрения ее конфликтности.

Коростелина К.В. искала возможность воздействия на идентичность с целью предотвращения социальных конфликтов, что, по сути, определяет и наш интерес к данной теме.

Исходя из вышесказанного, мы можем выделить основные психологические подходы к исследованию идентичности: психоаналитическое направление (З. Фрейд), эпигенетическая концепция развития личности (Э. Эриксона), когнитивная психология теории социальной идентичности (Г.М. Андреевой, Н.Л. Ивановой, Т.Г. Стефаненко, Г. Тэджфела, Дж. Тернера и др.)

Необходимо отметить и тот факт, что в последнее время все больший интерес к теме идентичности проявляют и политологи. Это объясняется тем, что развивающиеся глобализационные процессы входят в противоречие со все возрастающей самоидентификацией различных стран и народов [5; 8].

В данном контексте Украина не стала исключением, где после развала СССР, как и во многих республиках бывшего Союза, а ныне независимых государствах, происходят процессы трансформации государственно-политического, экономического и социального устройства, связанные с определенными трудностями и противоречиями, в том числе и этнополитическими.

Что касается социальной идентичности, то она определяется большинством исследователей, и мы с ними согласны, как групповое взаимодействие, посредством которого индивид пытается описать или определить самого себя.

Эриксон, например, использовал понятие социальная идентичность как отражение внутренней солидарности человека с социальными, групповыми идеалами.

Самая признанная концепция, разработанная на основе интер - и интрагруппового взаимодействия, - теория социальной идентичности Г. Тэджфела. По его мнению, социальная идентичность - это направление индивидуального знания о принадлежности к определенной социальной группе, имеющее эмоциональное и оценочное значение для индивида и его членства в группе [14,7].

Тэджфел выделяет две формы взаимодействия: межличностное и межгрупповое. Он говорит о полярности этих взаимодействий, хотя в реальной жизни они неотделимы друг от друга.

Межличностное взаимодействие представляет собой взаимодействие, основанное, прежде всего, на личностных характеристиках. Протекание этого процесса не зависит от социальной принадлежности человека.

Межгрупповое взаимодействие определяется членством индивида в той или иной социальной группе. В данном виде взаимодействия личностные характеристики не играют определяющей роли, оно детерминировано групповым членством индивида.

Эти два вида взаимодействия составляют когнитивную "Я - концепцию", которая играет роль регулятора поведения человека. Разные взаимодействия проявляют разные Идентичности. Формируют же Идентичность убеждения, которые конфликтны, то есть образуют противоречия в рамках данного взаимодействия.

Каждая из подсистем "Я - концепции" относится к различным характеристикам человека и рассматривается как возможность для человека стать самим собой и найти свое место в социуме, так полагает исследователь Агеев В.С. Он считает личностную и социальную идентичность подсистемами «Я-концепции». "Личностная идентичность относится к самоопределению в терминах физических, интеллектуальных и нравственных личностных черт. Вторая подсистема - социальная идентичность определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу и т.д." [1].

Возникновение межгрупповой дискриминации, по Тэджфелу, обусловлено социальной идентичностью и зависит от факта межгруппового взаимодействия. Он считал, что при межгрупповых отношениях происходит переход с уровня личностной идентичности на уровень социальной, но при этом личность продолжает оставаться самобытной и неповторимой.

Чем больше у индивида в самосознании выражена социальная идентичность, тем больше его поведение определяется межгрупповым, а не межличностным взаимодействием. Это определяется, прежде всего, мотивом достижения позитивной самооценки и кратчайшим путем ее достижения, то есть межличностным или межгрупповым взаимодействием.

Джон Тернер продолжил работу Генри Тэджфела по раскрытию сущности социальной идентичности и сделал в этом направлении свои выводы, например, о том, что взаимное притяжение не является необходимым условием формирования группы. Он отказался от мотивационной основы теории социальной идентичности, создав теорию когнитивной самокатегоризации.

Тернер приходит к выводу, что идентичность начинает работать и действует постоянно там, где поведение становится строго межгрупповым, а это значит, что межгрупповое поведение есть результат, а не причина самовосприятия. То есть, формирование социальной идентичности зависит от процесса самокатегоризации.

Если социальная категоризация принимается субъектами взаимоотношений, то этого достаточно для формирования группового, а возможно и дискриминационного поведения.

Тернер выделяет возможность существования категоризации на трех разных уровнях: общечеловеческой, социальной и личностной идентичности, притом, что между ними существует функциональный антагонизм. Таким образом, автор продолжил идею Тэджфела относительно оппозиции личностной и социальной идентичности, однако Тернер делает больший акцент на ситуативности проявления социальной идентичности. Он приходит к выводу о том, что идентичность не является постоянной константой, что она ситуативна [6, 120].

Надо сказать, что и сегодня представители когнитивной психологии, например, М. Яромовиц, продолжают рассматривать личностную и социальную идентичность как взаимоисключающие понятия.

Идеи Тэджфела и Тернера о трех аспектах идентичности: общечеловеческом, социальном и личностном, поддержаны современными учеными Музой Д.Е., Агеевым В.С. и Дрожжиной С.В. [2, 47; 4, 236].

Агеев связывает эти аспекты, соответственно, с межвидовым, межгрупповым и межличностным сравнением себя с другими. При этом автор выстраивает иерархию идентичностей в следующем порядке: человеческую – как высший уровень, социальную – как промежуточный и личностную как низший уровень [1,201].

Дрожжина С.В. рассматривает идентичность как один из системообразующих элементов модели мультикультурализма, делая акцент на специфике формирования новой идентичности современной Украины, основанной на национальной идее [2,46].

Современный философ и социолог Ю. Хабермас, представляет «Я - идентичность» как совокупность личностной и социальной идентичностей [9,7]. Он говорит, что «...идентичность Я означает ту своеобразную способность пользующихся речью и дееспособных субъектов оставаться тождественными самим себе даже при глубоких изменениях структуры личности, которыми они отвечают на возникающие противоречивые ситуации». [9,10].

В последнее время противопоставление социальной и личностной идентичности традиционное для теорий социальной идентичности и самокатегоризации подвергается критике. Так, Г. Бриквелл высказывает гипотезу о том, что личностная и социальная идентичности являются просто двумя полюсами в процессе развития личности [11,180].

Критично относятся к идее противопоставления личностной и социальной идентичности сторонники теории социальных репрезентаций С. Московичи, В. Дойс. В частности, последний утверждает, что личностная идентичность может рассматриваться как социальная репрезентация, то есть как определенная индивидуальная позиция взаимоотношений человека с группой [12,13].

В монографии Р. Дженкинса «Социальная идентичность» автор утверждает, что индивидуальная уникальность и коллективная разделенность могут быть поняты как нечто очень близкое, если не то же самое, как две стороны одного и того же процесса [13].

Мы полагаем, что личностная идентичность является скорее структурным компонентом социальной идентичности, нежели ее противоположностью. Подтверждением этому служит тот факт, что личность формируется посредством социума, и становится собственно личностью только благодаря социализации.

Говоря о личностной идентичности, мы задаем себе вопросы: кто я?, какой я?, и подобные, но эти вопросы обусловлены нашим положением в социуме и зависимостью от последнего. Иначе, какой смысл в этих вопросах? Таким образом, становится очевидным тот факт, что личностная идентичность сама по себе не существует и не может существовать. Возможно ли, чтобы Маугли беспокоили вопросы идентичности, до тех пор, пока он не попал к людям? История развития человеческого общества, началась именно с «Мы» (племени), и только потом человек начал выделять свое «Я» от «Мы».

Следовательно, природа нас создала такими, какими мы есть, а общество позволяет нам отождествлять себя с теми или иными его представителями и личностными качествами, присущими им.

Отсюда наш вывод о том, что невозможно отделять личностную идентичность от социальной, и говорить о том, что одна из них переходит в другую и наоборот, а тем более об антагонизме между ними.

Хабермас Ю., например, считает, что идентичность группы, превосходящая индивидуальные биографии, является условием идентичности индивида. [9,11].

Социальная идентичность выступает для человека своеобразным защитным барьером, помогая ему осознавать, что он является частью какой-то целостной структуры и занимает в ней определенное положение. Она помогает человеку реализовать свою потребность в самоактуализации, найти свое место в социуме и избежать чувства одиночества и неопределенности.

Таким образом, можно сказать, что идентичность изначально социальна по происхождению, поскольку формируется в результате взаимодействия с людьми, ее изменения и многообразие форм обусловлены социальными изменениями.

Исходя из изложенного выше, можно предложить следующие выводы:

1. Проблема идентичности издавна разрабатывалась в рамках многих гуманитарных дисциплин, таких как: психология, социология, культурология, философия, а в последнее время, и политология. Несмотря на проработанность настоящей темы, до сих пор не сформирована единая, междисциплинарная точка зрения на данный феномен.

2. Социальная идентичность проявляется в межгрупповом взаимодействии и выступает как психологическая потребность, поиск определенной социальной ниши и как защита индивида от одиночества.

3. Личностная идентичность, на наш взгляд, может рассматриваться как структурный компонент более глобальной и всеобъемлющей социальной идентичности, поскольку не может проявляться самостоятельно и независимо от восприятия ее социумом.

Источники и литература:

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально- психологические проблемы / В. С. Агеев. – М. : МГУ, 1990. – 240 с.
2. Дрожжина С. В. Мультикультуралізм як концептуальна модель та праксеологія розуміння сучасного українського соціуму : монографія / С. В. Дрожжина; М-во освіти і науки України, Донец. нац. ун-т економіки і торгівлі ім. М. Туган-Барановського. – Донецьк : ДонНУЕТ, 2009. – 288 с.
3. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43-54.
4. Муза Д. Е. Восточнохристианская цивилизация : социокультурное устройство и идентичность: монография / Д. Е. Муза; Донец. нац. техн. ун-т. – Донецк : Вебер, Донец. отд-ние, 2009. – 476 с.
5. Рашковский Б. Б. Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа) / Б. Б. Рашковский, В. Г. Хорос // Восток - Запад - Россия. – М., 2002. – С. 60.
6. Сушков И. Р. Социально-психологическая теория Джона Тернера / И. Р. Сушков // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 3. – С. 115-125.
7. Терновая Л. Глобализация и проблема формирования новых идентичностей / Л. Терновая // Власть. – 2004. – № 4 – С. 27-32.
8. Чугров С. Неисповедимые пути национальной идентичности / С. Чугров // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 6. – С. 121.
9. Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи / Ю. Хабермас; [пер. с нем.]. – Донецк : Донбасс, 1999. – 123 с. – (Библиотека Донецкой Школы Прав Человека).
10. Эриксон Э. Идентичность : юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с.
11. Breakwell G. M. Integrating paradigms, methodological implications / G. M. Breakwell, D. V. Canter and eds. // Empirical approaches to social representations. – Oxford : Clarendon Press, 1993. – P. 180-201.

12. Doise W. Social representations in personal identity / W. Doise // Social identity : International perspective / S. Worchel, J. F. Morales, D. Paez, J. De-schamps and eds. – N. Y. : Sage Publ., 1998. — P. 13-25.
13. Jenkins R. Social identity / R. Jenkins. – L. : Routledge, 1996.
14. Turner J. The experimental social psychology of intergroup Behavior / J. Turner // Intergroup Behaviour / J. Turner, H. Giles. – Oxford, 1981. – P. 66-101.

Полуянов В.П.

УДК 130.1

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА СОЗДАННАЯ ЧЕЛОВЕКОМ О ВЕЧНОСТИ

Актуальность. Исследование обусловлено необходимостью осмысления проблемы человека о вечности.

Цель работы. Определить и раскрыть особенности понятий бессмертия, преодолеть страх смерти, протест жизни против смерти, разума и объективных законов мироздания, воля не умирать и не уйти в небытие.

Практическая значимость. Разработка и конкретизация ключевых категорий как вечность, смерть, разум, жизнь, воля с точки зрения диалектики.

Научные исследования. Работа посвящена исследованию о вечности человека, преодолении страха смерти, протест жизни против смерти, разума и объективных законов мироздания, воля не умирать и не уйти в небытие, а также процессы, которые происходят в обществе.

Задачи. Рассматриваются вопросы о нежелание смириться с неотвратимой судьбой человека из мрака через свет снова во мрак, из небытия снова в небытие с нераскрытой тайной о том, откуда он пришел, каковы его удел и предназначение и куда держит путь.

Научная новизна состоит в том, что продемонстрирована значимость подхода исследования о символической формуле вечности человека с преодолением страха смерти, протеста жизни против смерти, разума и объективных законов мироздания, воле не умереть и не уйти в небытие, процессах происходящих в обществе, а также дано осмысление, позволяющее глубоко их раскрыть.

Для древних мыслителей вечность представлялась как неподвижная, неизменная и всегда самому себе равная данность. Парменид был одним из первых философов, который «отказал миру» в его временной составляющей. Он утверждал, что бытие в своей основе является единым и неизменным, следовательно, вневременным. Платон, следуя Пармениду, противопоставлял «вечность» «времени» и представлял истинную, – идеальную, – действительность во вневременных формах, как неизменное бытие мира эйдосов. Как говорил Платон в «Тимее», «Вечность – это то, о чем нельзя сказать, что оно было или будет: то, что просто обладает бытием. Здесь нет ни прошедшего, ни будущего. Вечность пребывает в Едином» [11].

Парменидово–платоновское противопоставление времени и вечности получило дальнейшее развитие у Плотина и неоплатоников. Плотин считал, что вечность и время – понятия не тождественные. Вечность должна быть целостным, но многообъемлющим понятием, иначе она по природе своей должна быть признаком, свойственным потустороннему миру. Комплекс многообразных сил составляет умопостигаемый мир и дает вечность в форме жизненного процесса. В процессе проявляется все одновременно, обнаруживает себя во всем, не меняя своих форм во времени и охватывает их высшим единством. Единство не меняет своего характера во времени, в котором все концентрировано вокруг одного пункта и оставаясь на одном месте, всегда живет в настоящем. В будущем не скрывается и не может отойти в прошлое, а вечно существует в неизменном виде. Таким образом, Плотин сделал вывод, что к вечности «не применимы категории ни прошедшего, ни будущего, а только категории настоящего, которое является бытием в полном покое без всяких предстоящих или уже состоявшихся переходов в мир будущего» [12].

Неоценимый вклад в разработку понятия времени внес бл. Августин. Рассматривая время как взаимосвязь помнящей, созерцающей и ожидающей души, он считал, что время существует лишь в духовном мире человека, который склонен разделять его на прошлое, настоящее и будущее. Однако утверждал он, что нет ни прошлого и ни будущего. Прошлое уже нет, будущего еще нет, существует лишь настоящее. Можно говорить о настоящем прошедшего, настоящем настоящего, настоящем будущего. Настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – это непосредственное созерцание; настоящее будущего – это ожидание [1]. Отвечая на вопрос, почему мир не был сотворен раньше, бл. Августин утверждал: никакого «раньше» вообще не могло быть, поскольку время было создано вместе с миром. По его мнению, первый миг времени совпал с первым мигом Творения: не во времени, но вместе со временем началось Творение. К Богу, существующему вне времени, неприемлемы понятия «раньше» и «позже». У Платона – Плотина – бл. Августина вечность предстает как вечное, самому себе равное настоящее, у которого нет и не может быть прошлого и будущего. Вечность есть чистое настоящее, а также безраздельное наслаждение бесконечностью. Человек и социальный мир, которые имеют историю, по своей природе не могут и не желают принять такое понимание вечности и времени.

Время, как человек понимает и воспринимает, представляет собой цепь: прошлое – настоящее – будущее и начало – процесс – конец.

Известные человеку вещи имеют пространственно–временной способ существования. Относительно к мирозданию вечность можно рассматривать как бесконечно протекающее время одновременно в прошлое и будущее. Выражение Платона «время – движущийся образ вечности» следует трактовать так: время погружено в вечность, а сама вечность соткана из пребывающего в вечном и бесконечном движении